

УДК 008+72.03(470.11)
ББК 71.1+85.113(2Рос-4Арх)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. А. Б. Пермиловская
г. Архангельск, Россия

ЦЕРКОВНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА РУССКОГО СЕВЕРА: ТРАДИЦИИ И ПРАВОСЛАВИЕ

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 18-49-290001 р_а «Деревянный храм в контексте изучения русской традиционной культуры: синкретизм материального и духовного (по материалам Русского Севера и Арктики)»

Аннотация: Деревянное зодчество — особое направление традиционной архитектуры в России. Его история в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера, превратившее регион в «страну зодчих». В статье рассматриваются вопросы, связанные с традицией храмостроительства: взаимоотношение крестьян-заказчиков и плотницких артелей, строительство без чертежей — по «образцу» на основе «порядных» документов. Специфика жизни русского человека в условиях Севера и Арктики формировала особый тип мышления и менталитета, опорой которому было православие, в него вошли дохристианские, языческие верования славян. Ранее это соотношение называлась «двоеверием», «бытовым православием». В настоящее время принят термин «народное православие». В осмыслении проблемы автор обращается к сравнительному опыту изучения мировых религий. Крестьянским культурам разных народов присущ единый «космический уровень». Народные разновидности религий и мифологии, имеющие сельскохозяйственную структуру, сохранились, модифицировавшись в христианство. Для мировоззрения крестьян характерно постоянное включение в космические и природные ритмы. Исследование показывает роль и значение народного православия в становлении и трансформации народной культовой архитектуры Русского Севера и Арктики. Это нашло подтверждение в исторических преданиях о выборе места для возведения храма, проведении общественных пиров — «братчин», повсеместное строительство обетных часовен и промысловых часовен, характерных для морской культуры Поморья. В народной обрядности многие предметы церковного обихода: свечи, святая вода, иконы — выполняли несвойственное для православной культуры значение. Свечи использовались при гаданиях, святая вода — при ворожбе. Икону воспринимали не только как священное изображение, но и как магический предмет. Это позволяет утверждать, что народное православие стало органичной частью русской христианской культуры, сохраняя традицию и православную картину мира. Данная работа посредством введения в круг отечественной этнокультурологии деревянного храмостроительства, по сути, создает новое направление исследований.

Ключевые слова: традиционная культура, деревянное зодчество, храм, часовня, народное православие, Русский Север, Арктика.

Информация об авторе: Анна Борисовна Пермиловская — доктор культурологии, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. акад. Н. П. Лаверова Российской академии наук, наб. Северной Двины, д. 23, 163000 г. Архангельск Россия. E-mail: annaperm@fciarctic.ru

Дата поступления статьи: 25.02.2019

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Пермиловская А. Б. Церковная деревянная архитектура Русского Севера: традиции и православие // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 54–70.

Деревянное зодчество — особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В его уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мифопоэтическое и христианское мировоззрение русского народа. Архитектурные традиции Византии с установившимися формами крестово-купольных храмов вместе с христианством были приняты зодчими Руси и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой индивидуальности. Широкому творчеству в строительстве деревянных храмов способствовали, во-первых, значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов, во-вторых, то обстоятельство, что греческие мастера никогда не строили из дерева. Русские зодчие проявили большую изобретательность, так как к этому времени уже были выработаны определенные конструктивные приемы в гражданской архитектуре, и эти формы смело применялись в деревянном храмостроительстве (рисунок 1).

Рисунок 1 – Одигитриевская церковь, с. Кимжа, Мезенский р-н, Архангельская обл., 1702. Фото Н. Чеснокова из личного архива автора

Figure 1 – The church of Hodegetria, Kimzha village, Mezen district, Arkhangelsk region, 1702. Photo by N. Chesnokov from the author's personal archive

Русский Север в истории и современном опыте отечественной культуры — хранитель древних памятников, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Европейского (Русского) Севера. В исследовании автор исходит из синонимического значения — Русский и Европейский Север [17]. Арктическое побережье, с древних времен заселенное русскими поморами и коренными малочисленными народами Севера, входит в состав Русского Севера¹. Понятие «Русский Север» отражает также значительную **«русскость» региона** — концентрацию и сохранение именно здесь русской традиционной культуры. В этом плане весьма показательным является мнение Д. С. Лихачева: «Самое главное, чем Север не может тронуть сердце каждого русского человека, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нас от забвения русские былины, русскую деревянную архитектуру...» [9, с. 7]. Именно на Русском Севере «были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» [3, с. 336]. Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство, превратившее регион в особую «страну зодчих» — уникальный заповедник деревянной церковной архитектуры. Особая роль Севера в истории русской культуры связана с тем, что он стал своего рода хранителем генофонда национальной этнокультурной традиции (рисунок 2).

Рисунок 2 – Село Кимжа, Мезенский р-н, Архангельская область — уникальное историческое поселение Русского Севера. Фото автора

Figure 2 – Kimzha village, Mezen district, Arkhangelsk region — the unique historical settlement of the Russian North. Author's photo

Исследование культовой архитектуры длительное время традиционно относилось к области архитекторов, искусствоведов, церковных историков и богословов. Сравнительно недавно памятники архитектуры стали изучаться в новом, интегративном научном горизонте — как произведения культуры. В качестве эпиграфа к исследованию я бы поставила мнение И. Э. Грабаря о том, что история искусства должна писаться как история культуры [3]. Изучение церковного деревянного зодчества в контексте традиционной культуры создает новое направление исследований, что позволит произвести переосмысление некоторых явлений материальной и духовной культуры русского народа.

¹ В рамках данного исследования нужно оговорить, что в современной науке при определении южных границ Арктики учеными, наряду с политико-правовым и административным подходом, широко используются также физико-географический, биоклиматический, культурно-этнический подходы. По указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296, Российская Арктика включает следующие территории Архангельской области: Мезенский, Приморский, Онежский районы, Новая Земля, города Архангельск, Новодвинск, Северодвинск.

На Русском Севере заказчиками (храмоздателями) строящихся храмов в большинстве случаев являлись крестьяне (волостной мир), а подрядчиками — плотницкие артели, состоящие из местных жителей или включавшие их в качестве наемных рабочих — «помочников». Во главе артели стоял староста, который заключал договор — «порядную» с нанимателями и руководил всей постройкой, исполняя, таким образом, функции архитектора. При строительстве указывалась на то, что архитектурный облик новой церкви должен соответствовать традиции и старым образцам. Русские плотники не имели чертежа, как средства обработки и накопления информации, иногда для этой цели использовались деревянная модель или глиняный муляж [16].

Традиция копирования по образцам уходит в глубокую древность, когда она имела магический смысл. Христианство не уничтожило, но преобразовало языческую культуру, наполнило ее новым возвышенным содержанием. Народу были даны новые образцы, но смысл их копирования и тиражирования заключался в приобщении к священному оригиналу. «Рудименты древнего магического отношения к воспроизведению предустановленных образцов улавливаются в изобразительном и прикладном искусстве, в архитектуре и градостроительстве вплоть до Новейшего времени» [2, с. 190–191].

Порядные, по существу выполнявшие функции «словесных чертежей», регламентировали взаимоотношения коллективных заказчиков и подрядчиков, обеспечивая первым из них возможность «блности обычай». А поскольку плотники-артельщики не порывали связи с односельчанами, то создавались условия, сближающие деревянное храмостроительство с самодеятельным строительством крестьян, тем более что простейшие культовые постройки — часовни, обетные кресты — нередко рубили сами жители в перерывах между основными сельскохозяйственными работами. «Единодушные» заказчиков и подрядчиков, находившихся в лоне традиционной и консервативной крестьянской культуры, закономерно придавало народный характер архитектурному формообразованию культовых сооружений.

Деревянные храмы — знаковое наследие Русского Севера, они сохранились в республиках Карелия, Коми; Вятской, Вологодской, Мурманской и Ленинградской областях. Но наибольшее их число всегда отмечалось на территории Архангельской области. Многие памятники деревянного зодчества сохранены в северных музеях под открытым небом (Архангельск, Великий Новгород, Кижи, Вологда), в национальных парках «Кенозерский» и «Водлозерский» (рисунок 3).

Рисунок 3 – Вознесенская церковь кубоватого типа, с. Кушерека, Онежский р-н, 1669 (музей «Малые Корелы»). Фото автора

Figure 3 – The Ascension church of the cube type, Kuserka village, Onega district, Arkhangelsk region, 1669. (Museum “Malye Korely”). Author’s photo

Здесь получили распространение деревянные церкви и часовни нескольких типов: клетские, шатровые/шатер на крещатой бочке, кубоватые, ярусные, многоглавые (кроме часовен). Самые древние из сохранившихся деревянных храмов — клетские, в основании этого типа культовых построек — обычная четырехстенная клеть, перекрытая двускатной кровлей. Например, церкви: Лазаря Муромского (конец XIV в.) на о. Кижи, Положения Риз в с. Бородавы Вологодской обл. (1485), Георгиевская в с. Юковичи Ленинградской обл. (1499). Сохранившиеся шатровые храмы Архангельской обл.: Никольская церковь, с. Лявля, Приморский р-н (1581), Георгиевская церковь, с. Вершина, Верхнетоемский р-н (1672), церковь Дмитрия Солунского, с. Верхняя Уфтюга Красноборский р-н (1784). В бассейне р. Онеги, на Поморском и Карельском берегах Белого моря сохранилось много пятиглавых храмов с кубоватым покрытием, в частности Троицкая церковь в с. Подпорожье (1757), Преображенская кубоватая церковь в д. Турчасово, Онежский р-н (1786) и др. Каждому региону были свойственны «свои» варианты композиционных решений. В XVII–XVIII вв., особенно после запрета на «шатры», большое распространение получили ярусные храмы с несколькими уменьшающимися срубами, поставленными друг на друга: такая форма позволяла сохранить столь полюбившуюся пирамидальность храмов и одноглавое завершение, формально не нарушая запрета. Строили и многоглавые храмы, такие как Покровская церковь в с. Анхимово Вытегорского района Вологодской обл. (1708), к сожалению, не сохранилась и Преображенская церковь на о. Кижи (1714), Сретенская церковь, с. Заостровье, Приморский район, Архангельская область (1683 – 1688) (рисунок 4).

Рисунок 4 – Сретенская многоглавая церковь, с. Заостровье, Приморский район, Архангельская область, 1683–1688. Фото автора

Figure 4 – Presentation of the Lord church, of the multi-domed type, Zaostrovye village, Primorsky district, Arkhangelsk region, 1683–1688. Photo by the author

Архитектурно-художественные аспекты культового зодчества были рассмотрены автором в ряде статей и монографий [15; 16; 19]. В качестве эмпирической базы

исследования послужил материал 35 архитектурно-этнографических экспедиций, в которых были обследованы 368 поселений Севера, многолетний опыт автора по формированию Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Корелы», изучение экспозиций русских и европейских музеев под открытым небом [18; 27; 28].

Данное исследование отражает влияние **народного православия на традиционную культуру и архитектуру**. Формирование социокультурного пространства теснейшим образом связано с особенностями материальной и духовной культуры этноса, традициями оформления вербальной картины мира, отразившиеся в народной архитектуре, ландшафтной этно-топонимике, сложившейся системе священных природных мест коренных народов Севера и деревянных православных храмов. В Поморье храмы и кресты выступали и как навигационные знаки, которые были нанесены на лоцманские карты поморов.

Специфика жизни русского человека в условиях Севера и Арктики формировала особый тип мышления и менталитета, опорой которому было православие. Православие составляло основу мировоззрения русского крестьянства, в него вошли дохристианские, языческие верования славян. Охарактеризовать соотношение языческих и христианских элементов в мировоззрении русских крестьян достаточно сложно: обычно они неразделимы и составляют единую веру, которая ранее в научных исследованиях называлась «двоеверием», «народной религией», «народным христианством», «бытовым православием».

Традиционно на Руси славянские верования и обряды оказались вплетены в ткань народного христианства. Ряд исследователей считает, что в России «имело место длительное, многовековое сосуществование византийского христианства со славянским язычеством: вначале в качестве параллельно функционировавших самостоятельных вероисповедных систем, а затем — вплоть до настоящего времени — в виде двух компонентов единого христианского религиозно-церковного комплекса, именуемого русским православием» [4, с. 95]. «Двоеверие», сначала явное, затем скрытое, впоследствии было преодолено <...> православием, но преодоление это оказалось в значительной степени формальным, и достигла его церковь ценой компромисса, посредством приспособленчества. Византийское христианство не устранило славянское язычество из сознания и повседневного обихода, а ассимилировало его, включив языческие верования и обряды в свой вероисповедно-культурный комплекс» [4, с. 99–100]. По мнению Н. И. Толстого, нельзя не отметить влияние неканонической культуры Балкан и Византии, пришедшее на Русь вместе с христианством [22, с. 12–13]. Следует обозначить и влияние финно-угров и скандинавов, а также балтийских и иранских народов, соседствующих с восточными славянами [8, с. 20–21].

На Европейском Севере воздействие на христианство оказали также карелы, вепсы, саамы, коми, ненцы. Данный факт ставит под сомнение адекватность термина «двоеверие» по отношению к «неканоническим» верованиям. Само по себе «народное христианство» — динамическая форма, в которой соединились как архетипические мифопоэтические идеи, так и православные каноны.

На современном этапе ученые отказались от использования термина «двоеверие», как устаревшего. В настоящее время в отечественной этнологии относительно традиционных верований русских принят термин «народное православие» [12], поскольку после Крещения Руси постепенно произошло совмещение двух мировоззренческих систем — языческой и христианской. При этом язычество и христианство оказались настолько слитыми, что ни один носитель традиционной культуры не может

отделить одно от другого. Нужно отметить, что «культурная терпимость была для христианизированной Руси не исключением, но правилом. Терпимость способствовала усложнению структуры древнеславянской духовной культуры, позволяла синтезировать элементы ахристианские и христианские, восточные и западные, греческие, славянские, латинские. Храмом ограничивалось сакральное “христианизированное” пространство. Все что вне храма, это пространство мирское, где поведение человека подчинялось не “письменному закону”, но отеческому обычаю» [13, с. 22–23] (рисунок 5).

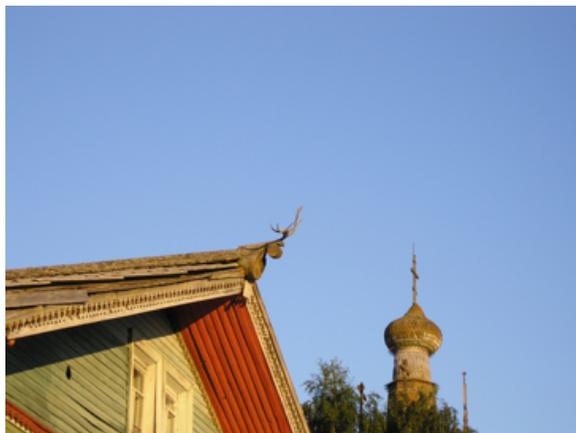

Рисунок 5 – Символы народного православия: охлупень с лосиными рогами на самом древнем мезенском доме Ф. Сафонова (1849) и крест на Одигитриевской церкви (1709), с. Кимжа, Мезенский район, Архангельская обл. Фото автора

Figure 5 – Symbols of the Folk Orthodoxy: the ridge with deer horns on the most ancient Mezen’s house of F. Safonov (1849) and the cross on Hodegetria church (1709), Kimzha village, Mezen district, Arkhangelsk region. Author’s photo

Мировоззрение и самосознание этноса лежат в основе традиционной культуры Русского Севера. К XVII в. на его территории сформировалась русская народность (ее севернорусская группа), а на окраинах — народности финно-угорского происхождения. Сложившаяся «этническая карта» не претерпела существенных изменений до настоящего времени. Нередко слова «русские» и «православные» заменяли друг друга. В сознании людей эти слова стали означать одно и то же, т. е. этническое и религиозное сознание слились воедино.

В постановке и осмыслении данной проблемы логично не только исходить с точки зрения православия, а обратиться к сравнительному опыту изучения мировых религий. Крестьянским культурам разных народов присущ единый «космический уровень». Это единство во всех крестьянских культурах мира философ и историк мировой культуры Мирча Элиаде назвал «космической религиозностью», или космическим (народным) христианством. Христианство трансформировало крестьянские культуры. Народные разновидности религий и мифологии, имеющие сельскохозяйственную структуру, сохранились, модифицировавшись в христианство. Множество богов и героев, убивающих драконов, превратилось в Георгиев Победоносцев, боги грозы превратились в святого Илью, многочисленные богини плодородия были приравнены к Богородице или святым. Можно сказать, что какая-то часть народной религии дохристианской Европы выжила и сохранилась, приняв форму календарных праздников и трансформировавшись в культ святых. В конце XIX – начале XX вв. в Европе, особенно на юге и юго-востоке, встречаются мифы и ритуалы, восходящие к самой глубокой древности [26, с. 184]. В календарных обрядах отразились представления о необходимости ежегодного кругооборота жизни и плодородия, объединяющих в единое целое землю, природу и людей.

Для крестьян Восточной Европы такое положение вещей не было «оязычиванием христианства», а наоборот, «охристианиванием» религии их предков. «Космическое христианство жителей сельских областей исполнено ностальгии по природе, освящен-

ной присутствием Иисуса, ностальгией по раю, желанию преображения природы, пребывающей нетронутой и первозданной, защищенной от постоянных потрясений, войн, разорения» [26, с. 186].

Человек архаического (крестьянского) общества ощущает себя частью Космоса — Природы — Божества. Именно поэтому Церковь и Христос приняли, столько космических символов, а крестьянские зодчие учились у природы божественной гармонии «красоты и пользы» и использовали этот опыт в народной архитектуре. Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим ландшафтом, обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая, в свою очередь, влияла на его поведение и мировосприятие. Говоря о ценностях народной архитектуры Русского Севера, нужно отметить, что польза и красота, материальные и духовные интересы крестьян неразделимы, а годовой цикл воспринимается ими не просто как смена времен года, а как кругооборот сакральных, дающих жизнь и плодородие сил земли. В современных культурологических исследованиях все чаще стала выдвигаться проблема народного самосознания, поскольку в нем можно найти отражение разнообразных сторон жизнедеятельности людей [2; 6; 16; 20; 25].

Для мировоззрения крестьян характерна целостность, синкретичность восприятия мира во всех его проявлениях, постоянное ощущение взаимосвязанности людей и природного универсума, включенность человека в космические и природные ритмы. Крестьяне не стремились выделиться из окружающей природы, бороться с нею. Важнейшим для занимающихся сельскохозяйственным трудом людей было ощущение стабильности, уверенности в постоянстве ежегодного кругооборота, закономерной смены времен года, необходимой для того, чтобы посеять, вырастить и собрать урожай, составляющий основу благополучия и жизни крестьянской семьи [5, с. 12].

Нужно также признать, что в народном православии вплоть до наших дней находят проявление некоторые черты мифологического мышления. По исследованиям М. Н. Власовой, составившей словарь пантеона низших мифологических существ русского фольклора, даже в церкви, где днем служит священник, ночью могут отправлять свои службы покойники и нечистые духи. И это не две разные церкви, а одно священное, пронизанное сакральными силами пространство. В какой-то мере распространению таких воззрений способствовала и сама церковь, рекомендуя строить храмы на месте языческих святилищ. Интересно, что, по поверьям XIX в., в Олонецком крае водяные любят селиться возле церквей и распределяются по приходам [5, с. 26]. По материалам Вологодской губернии, в церкви обитал особый дух — *церковник*, иногда им называли появляющегося в церкви покойника. «Многие из здешних крестьян верят, что нечистая сила живет даже при церквях, в особенности на кладбищах, а также на мельницах, в казенных зданиях, например в училищах...» [5, с. 188, 337]. Церковник имеет облик старика, человека в белом и, в общем, сходен с духом колокольни — *колокольным маном*. Церковь, кладбище, святые, насыщенное сакральными силами пространство, словно притягивают к себе разнообразные существа, наделенные сверхъестественными способностями.

Этнокультурный архетип православного храмостроительства проявился в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма и поселения. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семиотичности. Выбор места для строительства деревни и храма в народных представ-

лениях был идентичен. Он отражал их сакральное значение и божественное указание на место постройки. Например, предание об основании д. Сухое, Беломорский р-н в Карелии, определяет место с помощью совмещенных языческих и христианских атрибутов: «лесины» и иконы. «Хотели встать на реку туда подалее, но положили туда **икону**, встали утром — а она тут же на наволоке сухом, на **лесине**. Тут и построили **деревню**: так и есть Сухое. Из того леса дома работали, **колокольню** делали. Была сперва **часовня**, Священника у нас не было никогда. Приезжал только в престольный праздник и на третий день после Пасхи <...>. А потом поставили колокольню» [7, с. 12].

Народное православие складывалось на почве тех сторон христианства, которые тесно соприкасались с народными верованиями. Так, в сознании постепенно соединялись образы христианских святых с образами древних славянских богов, церковный календарь согласовывался с древними сельскохозяйственными праздниками, а духовенство допускало многие послабления языческой обрядности.

На Русском Севере в XVII в. церкви выполняли функцию центров земского самоуправления, где зачитывались царские указы, вершились суды, проходили мирские сходы. Это происходило в трапезной — помещении между храмом и притвором. Здесь прихожане ожидали богослужения, придя в храм за много километров, могли перекусить. Первичное назначение трапезной отражено в самом ее названии: здесь устраивались общественные трапезы, пиры, «братчины», приуроченные к определенным событиям и сопровождавшиеся питьем общественного, «молебного» пива — остаток древних языческих собраний.

В качестве примера народного православия, воплощенного в культовом деревянном зодчестве Севера, можно привести придорожную Троицкую часовню, д. Вальтево, Пинежский район (1728). Часовня стояла на старинном тракте с Пинеги на Мезень. В ней путник мог помолиться, перекусить (здесь оставляли запас продуктов), переночевать. Часовня была поставлена на высоком берегу р. Пинега, у самой дороги, к которой и было обращено крыльцо. Место было выбрано настолько удачно, что путник, идущий от последней пинежской д. Усть-Ежиги, еще задолго до самой деревни видел главку, а затем всю постройку, появляющуюся за поворотами дороги. Архитектурный облик этого сооружения в полной мере отвечает принципам народного культового зодчества. Часовня отличается необычными пропорциями и состоит из двух частей. Моделльное помещение — вытянутая клеть, поставленная на высокий подклет, в котором хранились медные котлы для варки общественного «благословенного пива» на время коллективных праздников, церковная утварь, запасы зерна. «А наличной часовенной ржи <...> под часовней в онбаре объявилось три меры» — записано в церковной описи [10, с. 76–77] (рисунок 6).

Рисунок 6 – Троицкая часовня, д. Вальтево, Пинежский район, Архангельская область, 1728 (музей «Малые Корель»). Фото автора

Figure 6 – Trinity Chapel, Valtevo village, Pinezhsky district, Arkhangelsk region, 1728. (Museum “Malye Korely”). Author’s photo

Один из самых распространенных типов «малого» северного храма — обетная часовня. Мотивация их возведения связана с ситуацией бедствия, пороговым, кризисным обстоятельством. Характерным явлением морской культуры Поморья было возведение промысловых часовен в становищах и тонях — временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного промыслов, на островах и побережьях Белого и Баренцева морей. По документам ГААО в Тиманском приходе в устье р. Пеша была построена Никольская часовня. Она стояла незапертой, доступной для всех желающих помолиться. Для поддержания часовни промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла, покупали свечи на ярмарках в Пинеге и раздавали артели промысловиков².

Часовни — сооружения истинно народной архитектуры, явление, в котором проявился феномен народного православия на Русском Севере. Простой количественный подсчет показывает, что их было значительно (в 2–3 раза) больше храмов. В численном отношении они преобладали в районах с сельскохозяйственной направленностью, особенно скотоводством. Количество часовен зависело от типа расселения, более всего они строились в поселениях гнездового типа. Например, при сравнении двух соседних регионов, в XIX в., в Каргопольском уезде, имевшем земледельческое направление и гнездовой тип расселения, было 49 церквей, 169 часовен³. В Онежском уезде единичные автономные деревни располагались по берегам р. Онега, занятия населения имели промысловую направленность. Здесь возводилось значительное количество крупных приходских ансамблей «тройников», часовни получили меньшее распространение: 63 церкви и 48 часовен⁴. В другом земледельческом районе в Поважье, в Вельском уезде Вологодской губернии было 80 церквей и 156 часовен [14, с. 198].

Большая часть северных часовен строилась по обетам. Обетные или «заветные» праздники были разнообразны по происхождению («явление иконы», эпидемия, эпизоотия, градобитье, пожар), но всех их объединяли три основных признака: они были христианские по форме, происходили в весеннее — летнее время и возникали по случаю. Возникновение заветных праздников — проявление регенерирующей способности традиционной культуры, сохраняющей под христианской формой архаическое содержание» [1, с. 216].

Далеко не всегда представления, сложившиеся в народном православии, соответствовали строгим церковным определениям. Серьезные расхождения, например, наблюдались при толковании одного из главных пунктов вероучения — догмата о триничности Бога. Церковные власти нередко сталкивались с тем, что простые прихожане не знают, что Иисус Христос — третье лицо Троицы. Прочно утвердилось в народном сознании убеждение, что св. Николай по своему положению и могуществу является не просто «угодником Божиим», как прочие святые, а входит в Троицу. Такие представления бытовали и в XIX–XX вв. [23].

Так же, как и названия деревень, храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. В этом явлении просматриваются определенные черты системы духовных ценностей общества, особенности мировоззрения создателей этих храмов. «Имя оценивается церковью, а за нею — всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия» [24, с. 38]. На Севере в образе святого Николая воплотились ве-

² ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 1023.

³ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.

⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 1, т. 1. Д. 578.

рования северян в своего русского и морского бога. В результате этого дни чествования Николы совпадали с народно-хозяйственным и промысловым календарем. В Поморье к ним приурочивались многие артельные обычаи и праздники. Икона с изображением Николая Чудотворца была в местном ряду почти каждого северного храма и красном «святом» углу крестьянской избы, недаром в народе говорили: «Нет икон как Никол». Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в его честь, как бы в подкрепление народной поговорки: «От Холмогор до Колы — тридцать три Николы».

Народное православие, допустив некоторые отклонения от строгого единобожия, создало развитый пантеон. В него вошли дохристианские боги, духи, предки, а также обожествленные христианские святые: св. Николай, Илья-пророк, Параскева Пятница — покровительница женского труда, св. Власий — покровитель домашнего скота и др. Духи лесных чащоб, водоемов, полей, домов, хозяйственных построек, хотя и числились «нечистью», тем не менее, воспринимались, как божества «низшего» ранга. Выразителями народного православия выступали деревенские знахари, странники, кузнецы, пастухи, коновалы.

В народной обрядности многие предметы церковного обихода: свечи, святая вода, в особенности иконы, — выполняли не свойственные им для православной культуры роли. Свечи использовались при обрядах гадания, святая вода — при ворожбе. Икону простые православные люди воспринимали не столько как знамение Горнего мира, сколько как предмет, обладающий магической силой. Довольно часто прихожане чтимую икону называли «Богом». Этим отчасти объясняется любовь русского православия прошлых веков к окладам — металлическим украшениям икон, которые иногда почти полностью закрывали красочный слой. Блеск золота и серебра, мерцание драгоценных камней усиливали благоговение перед таинственным могуществом иконного образа. Благоговение, однако, могло перейти в негодование, если обращенные к иконе просьбы оставались без ответа. В истории народного православия известны факты надругательства над иконами (их раскалывали, сжигали). Видимо, человек, отчаявшись получить от «Бога» помощь, подвергал чтимую икону наказанию.

Наказание иконы происходило, если изображенный на ней лик систематически не помогал в тяжелые периоды жизни. В таких случаях икону писаной стороной поворачивали к стене или закрывали изображение занавеской. Также икону могли выставить за дверь, иногда отправляли вплавь по реке. В Заонежье икону наказывали, если от святого, изображенного на ней, не получали конкретной помощи, о которой его молили. Когда просили о помощи, могли пообещать в обмен за эту «услугу» отнести икону в часовню, тем самым повысив ее статус; или подарить в часовню, освященную в честь данного святого; или отравиться помолиться в монастырь, возведенный в честь того же святого. Когда помощи не получали, икону «лишали праздника», например, отмечали праздник при иконе, повернутой писанным ликом к стене. Икону могли на день отнести на чердак или положить изображением вниз в сундук и запереть там на ключ. После этого требовалось «мириться»: икону с молитвой протирали чистой тряпичной, мыли в чистой воде, а затем опрыскивали святой водой. После этого икону, как новую, ставили в божницу с извинениями [21, с. 316–317]. Утилитарное отношение к иконе зафиксировано в фольклоре: «Молись иконе, да будь в покое», «Годиться молиться, да не годится горшки покрывать», «Из одного дерева икона и лопата». В русской и северной традиции также хорошо известны случаи наказания колоколов, их «ссылки», «изъятие языка колокола».

Феномен народного православия проявился в постановке обетных крестов, поклонении святым источникам, камням, почитаемым/святым местам, использовании христианской атрибутики в ритуалах бедствия, культе чудодейственных приплывших по воде икон и др., что составляет отдельное направление исследований.

Традиционное зодчество является неотъемлемой частью культуры, исторически оно выступает в качестве адаптивного механизма в обеспечении комфортной организации жизни, в пространственном и сакральном освоении территории. Например, если в значительной степени система жизнеобеспечения была заимствована поморами у коренных народов Севера, то адаптационная модель духовного освоения арктических территорий лежала в системе православия. Соответственно, культовое пространство Русского Севера и Поморья формировалось православной архитектурой, мировоззренческое содержание которой и стало стабилизирующим фактором адаптации (рисунок 7).

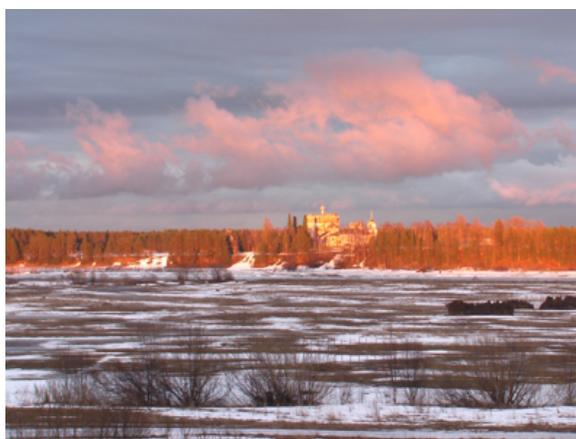

Рисунок 7 – Сакральный ландшафт Русского Севера. Артемиево-Веркольский монастырь, с. Веркола, Пинежский р-н, Архангельская обл., XVII в. Фото А. Алина из личного архива автора

Figure 7 – Sacred landscape of the Russian North. Artemyev-Verkolsky Monastery, Verkola village, Pinezhsy district, Arkhangelsk region, 17 century. Photo by A. Alin from the author's personal archive

«Христианство принесло с собой “надежду”, “упование”, т. е. культурный оптимизм, который стал мощным цивилизационным импульсом» [13, с. 20]. В то же время некоторые аспекты и функции мифологического мышления образуют важную составную часть самого человеческого существа. Мифологическое мышление существовало всегда, существует и в наше время. «Мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно» [26, с. 25]. Подобные взаимовлияния в русской культуре привели к формированию народного православия, органично сочетающего позиции христианства с мифопоэтическим мировоззрением народа. Широкий срез храмовой народной архитектуры имеет большое значение как для характеристики становления и трансформации традиционной культуры русских, так и для исследования роли народного православия в формировании архитектурного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- 2 *Бондаренко И. А.* Теория и история архитектуры: Публикации разных лет. СПб.: Коло, 2017. 832 с.
- 3 *Грбарь И. Э.* История русского искусства. СПб.: Изд-е И. Кнебель, 1910. Т. 1: Архитектура. До-петровская эпоха. 508 с.

- 4 *Гордиенко Н. С.* «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л.: Лениздат, 1986. 287 с.
- 5 *Власова М. Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий: ил. слов. СПб.: Северо-Запад, 1995. 380 с.
- 6 *Лихачев Д. С.* Предисловие // *Гемп К. П.* Сказ о Беломорье. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1983. С. 7–8.
- 7 *Жигальцова Т. В.* Село Ворзогоры: пространственная организация и памятники культового деревянного зодчества // *Человек и культура.* 2018. № 4. С. 57–66.
- 8 *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 325 с.
- 9 *Левин И.* Двоеверие и народная религия в истории России / пер. с англ. А. Л. Топоркова и З. Н. Исидоровой. М.: Индрик, 2004. 216 с.
- 10 *Мильчик М. И.* По берегам Пинеги и Мезени. Л.: Искусство, 1971. 159 с.
- 11 Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг.: в 2 ч. Вологда: Тип. Вологодского губернского правления, 1897. Ч. 1. 272 с.
- 12 *Панченко А. А.* Народное православие. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998. 305 с.
- 13 *Панченко А. М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура: работы разных лет. СПб.: Журнал Звезда, 2008. 544 с.
- 14 Переписная книга часовен Важской волости и Устьянских сох // *РИБ.* 1692. Т. XXV. С. 198.
- 15 *Пермиловская А. Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.
- 16 *Пермиловская А. Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. 608 с.
- 17 *Пермиловская А. Б.* Культурное пространство Русский Арктики // *Ярославский педагогический вестник.* 2015. № 3. С. 362–365.
- 18 *Пермиловская А. Б.* Уникальные памятники архитектуры в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Архангельск: [Б. и.], 2000. 31 с.
- 19 *Пермиловская А. Б.* Храм в культурном пространстве северной деревни (Одигитриевская церковь в селе Кимжа) // *Дом Бурганова. Пространство культуры.* 2011. № 3. С. 246–254.
- 20 *Попова Л. Д.* Семиотика сакрального пространства монастырей Поморья // *Вестник славянских культур.* 2017. Т. 44. С. 159–172.
- 21 *Решетов А. М.* О «наказании» икон // *Христианский мир: религия, культура, этнос. Материалы Всерос. научной конф.* СПб.: Изд-во ГМИР, РЭМ, 2000. С. 316–319.
- 22 *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 624 с.
- 23 *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во МГУ, 1982. 248 с.
- 24 *Флоренский П. А.* Имена. Харьков; М.: Фолио: АСТ, 2000. 441 с.
- 25 *Чапля Т. В.* Пространство архитектуры: от пространства места к пространству отношений // *Вестник славянских культур.* 2018. Т. 49. С. 51–63.
- 26 *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. М.: Акад. проект, 2001. 240 с.

- 27 *Permilovskaya A.* Building traditions of the Russian North: Making carpentry holidays in the open air museum. Association of European Open Museums 1993. Bucharest: [b. i.], 1993. P. 174–178.
- 28 *Permilovskaya A.* Wooden Folk Architecture in Western Russia // HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet / general edited by S. Piesik. London: Thames & Hudson LTD, 2017. P. 392–397.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГААО — Государственный архив Архангельской области

[Abbreviations used

GAAO — State archive of Arkhangelsk region]

© 2019. Anna B. Permilovskaya
Arkhangelsk, Russia

CHURCH WOODEN ARCHITECTURE OF THE RUSSIAN NORTH: TRADITIONS AND ORTHODOXY

Acknowledgments: The study was carried by the grant of the Russian Foundation for Basic Research grant № 18-49-290001 p_a “Wooden church in the context of studying Russian traditional culture: material and spiritual syncretism (based on the Russian North and the Arctic materials)”.

Abstract: Wooden architecture represents a special direction of the traditional architecture in Russia. To a large extent, its history is the history of the Russian North wooden architecture, which turned the region into a “country of architects”. The article discusses issues related to the temple-building tradition: the relationship of peasant customers and carpentry artels, construction without drawings — on the “model” based on the contract (“*poryadnya*”). In the North and the Arctic conditions, the specifics of the Russian life generated a special type of thinking and mentality, which was supported by the Orthodoxy, including pre-Christian, pagan beliefs of the Slavs. Previously, this relationship was called “Dual Faith”, “Domestic Orthodoxy”. The term “Folk Orthodoxy” is adopted at present. Dealing with the given issue, the author refers to the comparative experience of studying world religions. Peasant cultures of various nations possess a single “cosmic level”. Folk varieties of religions and mythologies based on the agricultural structure have survived, being modified into Christianity. The peasants’ worldview is characterized by constant inclusion in cosmic and natural rhythms. The study shows the role and significance of Folk Orthodoxy in the establishment and transformation of the traditional temple architecture of the Russian North and the Arctic. The historical legends about the choice of a place for church construction, the holding of public peers (“*bratchina*”) and widespread building of promise chapels and commercial chapels, characteristic of the Pomorie maritime culture, serve as the thesis confirmation. In folk rituals, many items of church use: candles, holy water, icons, performed values uncharacteristic of Orthodox Culture. Candles were used during divination, holy water at fortune-telling. The icon was perceived not only as a sacred image, but also as a

magical object. The study suggests that Folk Orthodoxy has become an integral part of Russian Christian culture, while preserving the tradition and the Orthodox picture of the world. By introducing the topic of wooden church building into the field of national ethnoculturology this paper actually creates a new research direction.

Keywords: traditional culture, wooden architecture, church, chapel, Folk Orthodoxy, Russian North, Arctic.

Information about author: Anna B. Permilovskaya — DSc in Culturology, Chief Researcher Scientific Center of Traditional Culture and Museum Preservation, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research Russian Academy of Sciences, Severnaya Dvina Emb. 23, 163000 Arkhangel'sk, Russia. E-mail: annaperm@fciactic.ru

Received: February 25, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Permilovskaya A. B. Church wooden architecture of the Russian North: traditions and orthodoxy. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 54–70. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bernshtam T. A. *Russkaia Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v.* [Russian folk culture of Pomorye in the 19 – early 20 centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 233 p. (In Russian)
- 2 Bondarenko I. A. *Teoriia i istoriia arkhitektury: Publikatsii raznykh let* [Theory and History of Architecture: Publications of various years]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2017. 832 p. (In Russian)
- 3 Grabar' I. E. *Istoriia russkogo iskusstva* [History of Russian Art]. St. Petersburg, Izdanie I. Knebel' Publ., 1910. Vol. 1: Arkhitektura. Do-petrovskaia epokha [History of architecture. The pre-Petrine era]. 508 p. (In Russian)
- 4 Gordienko N. S. “*Kreshchenie Rusi*”: *fakty protiv legend i mifov* [“Christianization of Kievan Rus”: the facts against legends and myths]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986. 287 p. (In Russian)
- 5 Vlasova M. N. *Novaia ABEVEGA russkikh sueverii: illiustrirovannyi slovar'* [New ABEVEGA of the Russian superstitions: illustrated dictionary]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1995. 380 p. (In Russian)
- 6 Likhachev D. S. Predislovie [Preface]. Gemp K. P. *Skaz o Belomor'e* [A Tale about the White Sea]. Arkhangel'sk, Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983, pp. 7–8. (In Russian)
- 7 Zhigal'tsova T. V. Selo Vorzogory: prostranstvennaia organizatsiia i pamiatniki kul'tovogo dereviannogo zodchestva [The village of Vorzogory: spatial organization and monuments of ecclesiastical wooden architecture]. *Chelovek i kul'tura*, 2018, no 4, pp. 57–66. (In Russian)
- 8 Krinichnaia N. A. *Predaniia Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 325 p. (In Russian)
- 9 Levin I. *Dvoeverie i narodnaia religiia v istorii Rossii* [Dual faith and popular religion in Russia's history], translated from English by A. L. Toporkov i Z. N. Isidorova. Moscow, Indrik Publ., 2004. 216 p. (In Russian)
- 10 Mil'chik M. I. *Po beregam Pinegi i Mezeni* [Along the banks of the Pinega and Mezen]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1971. 159 p. (In Russian)

- 11 *Pamiatnaia knizhka Vologodskoi gubernii na 1896–1897 gg.: v 2 ch.* [The memorial book of the Vologda province as of 1896–1897: in 2 parts]. Vologda, Tip. Vologodskogo gubernskogo pravleniia Publ., 1897. Part 1. 272 p. (In Russian)
- 12 Panchenko A. A. *Narodnoe pravoslavie. Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie sviatyni Severo-Zapada Rossii* [Folk Orthodoxy. Research on Folk Orthodoxy. Sacred Places in the Villages of Northwestern Russia]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1998. 305 p. (In Russian)
- 13 Panchenko A. M. *Ia emigriroval v Drevnuiu Rus'. Rossiia: istoriia i kul'tura: raboty raznykh let* [I emigrated to Old Rus'. Russia: history and culture: works of various years]. St. Petersburg, Zhurnal Zvezda Publ., 2008. 544 p. (In Russian)
- 14 Perepisnaia kniga chasoven Vazhskoi volosti i Ust'ianskikh sokh [The census book of the chapels of the Vaga parish and Ust'yansk sokhas]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka*, 1692, vol. XXV, p. 198. (In Russian)
- 15 Permilovskaia A. B. *Krest'ianskii dom v kul'ture Russkogo Severa (XIX – nachalo XX veka)* [Peasant house in the culture of the Russian North (19th – early 20th century)]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2005. 312 p. (In Russian)
- 16 Permilovskaia A. B. *Kul'turnye smysly narodnoi arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural meanings of the folk architecture of the Russian North]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrO RAN Publ.; Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ.; Iaroslavl', Izdatel'stvo IaGPU im. K. D. Ushinskogo Publ., 2013. 608 p. (In Russian)
- 17 Permilovskaia A. B. Kul'turnoe prostranstvo Russkii Arktiki [Cultural space of the Russian Arctic]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2015, no 3, pp. 362–365. (In Russian)
- 18 Permilovskaia A. B. *Unikal'nye pamiatniki arkhitektury v sobranii Arkhangel'skogo gosudarstvennogo muzeia dereviannogo zodchestva i narodnogo iskusstva "Malye Korely"* [Unique architectural monuments in the collection of the State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Malye Korely"]. Arkhangel'sk, b. i., 2000. 31 p. (In Russian)
- 19 Permilovskaia A. B. Khram v kul'turnom prostranstve severnoi derevni (Odigitrievskaia tserkov' v sele Kimzha) [Temple in a cultural space of the northern village (Hodegetria church in the village of Kimzha)]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury*, 2011, no 3, pp. 246–254. (In Russian)
- 20 Popova L. D. Semiotika sakral'nogo prostranstva monastyrei Pomor'ia [Semiotics of the sacred space in Pomorye monasteries]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, vol. 44, pp. 159–172. (In Russian)
- 21 Reshetov A. M. O "nakazanii" ikon [On the "punishment" of icons]. *Khristianskii mir: religiia, kul'tura, etnos. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Christian world: religion, culture, ethnicity: Materials of scientific conference]. St. Petersburg, Izdatel'stvo GMIR, REM Publ., 2000, pp. 316–319. (In Russian)
- 22 Tolstoi N. I. *Ocherki slavianskogo iazychestva* [Essays on Slavic Paganism]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 624 p. (In Russian)
- 23 Uspenskii B. A. *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei. Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiiskogo* [Philological researches in the field of Slavic antiquities. Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1982. 248 p. (In Russian)
- 24 Florenskii P. A. *Imena* [Names]. Khar'kov; Moscow, Folio: AST Publ., 2000. 441 p. (In Russian)

- 25 Chaplia T. V. Prostranstvo arkhitektury: ot prostranstva mesta k prostranstvu otnoshenii [Architectural space: from the space of places to the space of relations]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 51–63. (In Russian)
- 26 Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth], translated from French. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 240 p. (In Russian)
- 27 Permilovskaya A. *Building traditions of the Russian North: Making carpentry holidays in the open air museum. Association of European Open Museums 1993*. Bucharest, without Publ., 1993, pp. 174–178. (In English)
- 28 Permilovskaya A. *Wooden Folk Architecture in Western Russia. HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet*, general edited by S. Piesik. London, Thames & Hudson LTD Publ., 2017, pp. 392–397. (In English)